

Гармония жизни

ПРОЗА
ЛАРИСЫ
Райт

ЗОЛОТАЯ СТРУНА ДЛЯ УЛИТКИ

ПЛАЧ ЛЬВА

ЖИЛА-БЫЛА ОДНА СЕМЬЯ

МЕЛОДИЯ ВСТРЕЧ И РАЗЛУК

АЛАЯ НИТЬ

ИСПОВЕДЬ СТАРОГО ДОМА

КОРОЛЕВА ДВОРА

НЕСЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

КОГДА ОСЫПАЕТСЯ ЯБЛОНЕВ ЦВЕТ

Рассвет

ЛАРИСА

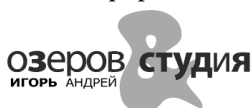
Когда осыпается
яблонев цвет

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 12

Художественное оформление переплета

Райт Л.
Р 12 Когда осыпается яблонев цвет / Лариса Райт. —
М. : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Гармония жизни. Проза
Ларисы Райт).

ISBN 978-5-699-69418-1

Она ненавидела любовь. И было за что: от этого чувства одни беды, а пользы ни на грош. Некогда Марта и так совершила ошибку, подпустив слишком близко двух человек, мужчину и женщину, сыгравших в ее судьбе роковую роль. Теперь девушка хотела быть сильной, но ветер перемен сорвал с ее души все покровы, и они облетели, как яблонев цвет, оставив Марту беззащитной — прежде всего перед собой.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-69418-1

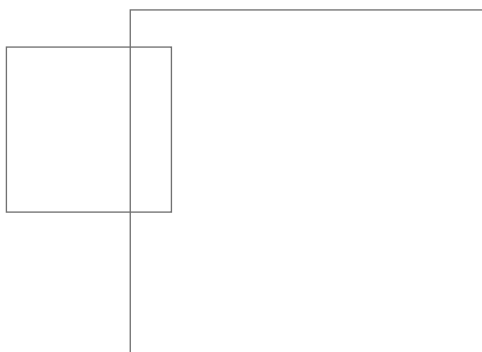
© Ройтбурд Л., 2014
© Оформление «Озеров Студия», 2014
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Любимому мужу и нашему детству.

Лариса Райт

Да, прощание всегда тяжело, но
возвращение иной раз еще тяжелее.

Эрих Мария Ремарк

Женщина, сидевшая за инструментом, походила на призрак со старой черно-белой фотографии. Длинное, белое, немного тесноватое в груди платье спускалось к педалям фортепиано красивыми складками. Короткие рукава-колокольчики плотно охватывали чуть полноватую руку. Запястья у исполнительницы, напротив, были настолько узкие, что не возникало вопроса, почему, в отличие от остальных присутствующих в комнате дам, музыкантша ничем не украсила свои дивные руки. Любое кольцо, любой браслет выглядели бы варварски массивными на этих изящных руках с тонкими длинными пальцами. Черные, цвета воронова крыла, кокетливо убранные за уши локоны тихонько покачивались в такт исполняемой мелодии, и это было единственное видимое движение. Все остальные детали образа оставались статичными и оттого даже чрезмерно выразительными. Глаза женщины были прикрыты опушкой черных густых ресниц, губы, такие же тонкие и изящные, как запястья, изгибались в загадоч-

ной, одной ей понятной улыбке. Спина, по которой от талии до стоечки кружевного воротничка струился ряд очаровательных, обтянутых тончайшим гипюром пуговиц, была неестественно прямой: такая спина бывает либо у балерин, либо у профессиональных пианистов. Из-под платья выглядывал поставленный на педаль инструмента мысок лаковой лодочки телесного цвета. Каблука не было видно, но Марта почему-то не сомневалась в том, что туфли на каблуках. И каблук совершенно необходим, он служил опорой для ноги, чтобы она в нужный момент легко опиралась на педаль и заставляла инструмент звучать протяжней и надрывней. Музыки Марта не слышала, никогда не слышала, как ни старалась, но почему-то не было у нее ни доли сомнения в том, что исполняемая мелодия была пронзительно-грустной. Уж слишком сосредоточенными и даже немного хмурыми выглядели лица других людей, присутствовавших в комнате. Все они в воображении Марты слились в очарованную музыкой массу, которую плохо видно на снимке не из-за неискусственности фотографа, а лишь из-за того, что по сравнению с первым планом — пианисткой за роялем — все, что на втором и последующих, лишено какой-то особой значительности.

Но хлопала дверь (ее Марта никогда не видела, но всегда отчетливо слышала сначала резкий скрип, а потом такой же резкий и громкий хлопок), и картинка ее сна оживала. В комнате появлялась маленькая девочка и своим появлением заставляла всех присутствующих на снимке преобразаться. Люди мгновенно переставали казаться массой, а становились личностями, непохожими друг на друга. Кар-

тинка обретала краски и движение. В отличие от пианистки, все остальные обитатели помещения отнюдь не походили на пришельцев из далекого прошлого. Прошрое, конечно, сквозило и в нарядах — батники, водолазки и расклешенные брюки свидетельствовали о принадлежности к эпохе безудержных семидесятых, а не к лирике Серебряного века; и в прическах: волосы многих женщин, казалось, были лишены какой-либо укладки, хотя Марта в этой легкой небрежности струящихся по плечам распущенных волос без труда угадывала отнюдь не пятиминутное стояние у зеркала и пару взмахов щетки, а тщательное и кропотливое воплощение задуманного в жизнь. Волосы мужчин были той самой длины, которая отражает увлеченность человека рок-н-роллом и модным движением хиппи. Сидящая за роялем женщина теперь казалась абсолютным и даже нелепым диссонансом со всем происходящим в комнате, но ее это нимало не трогало. После хлопка двери она прекращала играть, вскакивала с табурета и раскидывала руки, призывно восклицая:

— Беги скорее!

Через полсекунды воображение Марты заботливо рисовало ту, к кому были обращены эти слова. Маленькая девочка впрыгивала в распахнутые объятия буквально из ниоткуда, крепко обвивала руками стойку кружевного воротника и пухлыми ручонками принималась ворошить черные благородные локоны.

— Ну-ну, — женщина, смеясь, высвобождалась из объятий, — тише, тише. Нагулялась? — Она устремляла свой взор куда-то за спину девочки, к кому-то невидимому. Судя по облику женщины и самой девоч-

ки (светлое пышное платье, торчащие из-под него кружевные панталоны, аккуратные белые туфельки с бантиками и такой же аккуратный атласный бант в волосах), этим невидимым, но явно присутствующим человеком должна была быть строгая гувернантка-француженка или в крайнем случае англичанка. Но поведение остальных людей (искренние улыбки, приветственные взмахи, чей-то веселый выкрик: «Здрасте, Галиниванна!») заставляло Марту думать, что за спиной малышки стояла ее бабушка. Хотя никаких других доказательств этому не было. Про «Галиниванну» сразу же забывали, окружали девочку плотным кольцом, засыпали вопросами:

- Как жизнь, молодежь?
- Где пропадала?
- А кавалер тебе не нужен?
- Торт будешь?

Девочка вертела головой и, ничего никому не отвечая, только заразительно смеялась. Смеялась и музыкантша, но неожиданно смех обрывала и спрашивала серьезно, почти строго:

- Споешь?

Малышка кивала, морщила лобик, и вид ее делался серьезным и сосредоточенным. Она вставала спиной к роялю и лицом к собравшимся, которые тут же в сознании Марты будто отлетали на задний план и снова превращались в безликую серую массу. Теперь воображение рисовало только двоих: женщину и девочку. Был еще рояль — старый, но крепкий, связывавший мощной невидимой нитью ту, что играла, и ту, что пела под аккомпанемент. Проснувшись, Марта никогда не могла вспомнить ни слов, ни мелодии, хотя была уверена, что слышала и то, и дру-

гое неоднократно. Но память играла с ней злую шутку, не давая узнать все до конца. Хотя, может быть, наоборот, берегла... Четко Марта помнила только видения. Женщина за роялем одобрительно улыбалась и даже хвалила маленькую исполнительницу. У певшей малышки, которой на вид было года четыре, не больше, были светлые выющиеся волосы, пухлые розовые щечки, да и вся фигурка не отличалась детской subtilностью. На лице девочки сияла совершенно беззаботная, искренняя, добрая улыбка. И худая как жердь, хитрая и расчетливая темноволосая Марта никак не могла понять, откуда взялась в ней уверенность в том, что это милое, наивное маленькое существо — она и никто другой. Но уверенность эта крепла с каждым очередным повторением сна, как крепло и осознание того, что красавица аккомпаниатор была ее матерью. Но куда же исчезла из ее жизни эта очаровательная женщина, да и все остальные присутствовавшие в комнате люди (бабушка-гувернантка, цветастые платья теплых оттенков, брюки клеш и внимательные взгляды), — об этом Марта не имела ни малейшего представления. А представить хотелось. Хотелось до того сильно, что каждый раз, когда реальность выхватывала ее из чарующего сна, Марта чувствовала тяжесть в груди и слышала звуки своего тяжелого, напряженного дыхания.

— Так хорошо дышится, правда? Ты из-за этого так пыхтишь? Хочешь набрать в легкие все Средиземное море?

Марта, все еще очарованная вновь посетившим ее видением, наконец разлепила веки, задумчиво посмотрела в пенящиеся детским восторгом глаза

приятельницы и ничего не ответила. А что тут ответить? Дышать уж точно было бы легче, если бы вокруг не галдели на разных языках маленькие дети, не кричали бы на них родители, не играла бы в баскетбол молодежь, громко хихикая и рискуя поставить синяк тому, кто не сумеет вовремя увернуться от мяча, не тянул бы из динамиков бара свою вечную «Only you» Элвис Пресли и не задавала бы своих восторженных вопросов глупая, наивная Ниночка.

— Кофейку? — Приятельница сделала выразительный жест в сторону бара.

Марта мотнула головой и перевернулась в шезлонге, лениво прикрыв глаза.

— А я выпью. Кофе тут, конечно, бурда, ты права, но со льдом вполне сносно.

Марта пробурчала нечто невыразительное, что могло означать как недовольство, так и согласие. На самом деле она хотела сказать только одно: «Иди, ради бога, и побыстрее». Ниночка торопливостью не отличалась: долго копалась в сумочке в поисках мелочи, еще дольше завязывала парео и надевала шляпку, пытаясь удостовериться в собственной неотразимости, разглядывала свое отражение в солнечных очках. Потом, удовлетворенно кивнув и улыбнувшись, всунула ножки с напедикюренными пальчиками в сандалии, больше подходящие для вечернего выхода в ресторан, чем для прогулок по пляжу, и наконец удалилась — естественно, вовсе не для того, чтобы получать удовольствие от сомнительного напитка, гордо именуемого барменом айскофе, а исключительно из желания лишний раз поболтать с барменом. И конечно же, чтобы убедиться не в своем, по словам Ниночки, «великолепном»,

а по мнению Марты, «том еще» английском, а в силе своих все еще волшебных женских чар.

«Дура», — привычно подумала Марта о Ниночке. Ей самой внимание беззаботного юнца, мешающего коктейли, было бы скорее неприятным, чем лестным. Марта любила Голсуорси и основной грешок Форсайтов считала безусловным достоинством. А Ниночка что? С жиру бесится, да и только. Живет у мужа как у Христа за пазухой и продолжает с противной постоянностью жаловаться на скучную жизнь. Супруг, видите ли, пропадает на работе, а ей — Ниночке — и заняться нечем. Какая радость от всех этих шуб и бриллиантов, если их и выгулять некуда? Приличной женщине одной заявляться в общество совсем негоже, а муж все зарабатывает и зарабатывает, чтобы купить ей очередную обновку, которая будет пылиться в шкафу или в сейфе, а сама Ниночка будет пылиться на диване или в лучшем случае, как сейчас, лежать в шезлонге и мучиться от невозможности принять правильное решение: что сделать в первую очередь — еще раз искупаться или выпить кофейку.

На этот раз кофеек победил. Ниночка уже плавно поднималась по ступенькам, ведущим к бару, и Марта отвела взгляд от подруги. Она и так знала, что последует за этим: взмах руки, призывный грудной смех, слегка небрежное «Хэлло!» и необременительная болтовня о чудесной погоде и не менее чудесных прелестях Ниночки. Насытившись комплиментами, приятельница вернется и примется рассказывать о том, что в ее несчастной и жутко тяжелой жизни нет никаких радостей, кроме невинного флирта на пляже. Марта догадывалась о том, что отнюдь не

все Ниночкины флирты были столь же невинны, но на самом деле не хотела ничего знать ни о степени их невинности, ни о них самих. Вся эта глупая болтовня ее нестерпимо раздражала. Будь у Марты Ниночкины возможности, она бы не теряла времени даром: она бы сразу бросила ненавистный салон и взяла бы от жизни максимум, о котором мечтала. Во-первых, она махнула бы наконец не на скучное Средиземное море, а на океан. И обязательно на острова, и чтобы белый песок, и прозрачная вода, и скаты, снующие под ногами. Ей рассказывали о том, что сказочное море в Египте. И она верила и собиралась, но пока собиралась, сначала всех тряхнуло объявлением о кровожадных акулах, а потом оказалось, что кровожадными в стране пирамид являются не только акулы, но и политики. Так что теперь Марта грезилась об океане и, намазывая горячим воском ноги клиенток, иногда непростительно задумывалась и обжигала чьи-нибудь загорелые икры, и торопливо извинялась, и выслушивала замечания с выражением крайнего огорчения на лице, хотя огорчена была вовсе не своей оплошностью, а тем, что на песках Сейшел, или Мальдив, или, на худой конец, Кариб лежали эти самые икры, а не ее — Мартины. В общем, она бы махнула на острова, и без разницы, с мужем или без. А там уж точно не стала бы тратить время на никчемное кокетство, а занялась бы делом: оплатила бы инструктора, облачилась бы в гидрокостюм, нацепила бы акваланг и вниз-вниз-вниз к красотам природы. А мужу выслала бы фотографии своих подводных походов, а он бы гордился тем, какая она у него бесстрашная и решительная, и с восхищением рассказывал бы о ней

своим друзьям, супруги которых лужают на диване семечки, перемещаясь с него только на дорожку тренажера и в бассейн, и сетуют на то, что им нечем заняться.

Нанырившись вволю, она вернулась бы домой и сразу же записалась бы на курсы дизайна. И узнала бы, как профессионально ухаживать и за домом, и за садом. Конечно, домработницы, повара, садовники — люди ценные, но как им объяснить, чего ты хочешь, если не имеешь понятия, о чем говоришь? Разве можно заказать утку под соусом бешамель, если незнаком с ингредиентами соуса? Или попросить посадить в углу лужайки примулу, если не знаешь, как она выглядит и на какой почве растет? И потом, нужно уметь давать отпор всем хваленным дизайнерам (и ландшафтными, и тем, что по интерьеру), которые приезжают, с умным видом талдычат о мировых тенденциях и уверяют в том, что голубые ели в тысячу раз лучше боярышника, а потом сдирают за эту голубизну баснословные суммы, наживаясь на наивности своих клиентов. Нет, с Мартой этот номер не пройдет никогда. Уж слишком хорошо знала она цену деньгам, чтобы позволить обводить себя вокруг пальца и платить втридорога ни за что. Она сумеет и приструнить, и одернуть, и продемонстрировать свою осведомленность. Конечно, хваленые дизайнеры в восторг не придут, но зауважают, уж это точно. А если люди друг друга уважают, то и дела совместные у них спорятся. В общем, из особняка мужа она бы сделала не просто сказку, как у всех, а понятную ей сказку, и водила бы по этой сказке настоящие экскурсии, называя каждое растение, а не так чтобы: «Здесь у нас восхитительное деревце...